

УДК 347.965

***ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ В
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ***

Кононова А.С.

студентка,

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Ляхова А.И.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Аннотация: В настоящей статье исследуется как цифровизация меняет правовой режим сохранения адвокатской тайны при использовании электронного документооборота, облачных сервисов, мобильных устройств и цифровых каналов коммуникации. Обосновывается, что действующие гарантии, закрепленные в законодательстве и развитые Конституционным Судом Российской Федерации, требуют специальной адаптации к цифровым носителям и более строгого разведения режима адвокатской тайны и режима персональных данных. Практическая значимость работы состоит в формулировании конкретных предложений по уточнению статьи 8 и статьи 39.5 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ, а также статьи 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: адвокатская тайна, адвокатская деятельность, цифровизация, информационная безопасность, персональные данные, электронные доказательства, обыск у адвоката, допрос адвоката, КИС АР, профессиональная тайна.

***THE PROBLEM OF MAINTAINING ADVOCATE SECRECY IN THE
CONTEXT OF DIGITALIZATION***

Kononova A.S.

Student,

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Lyakhova A.I.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure*

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Abstract: This article explores how digitalization changes the legal regime of maintaining attorney-client confidentiality when using electronic document management, cloud services, mobile devices, and digital communication channels. It is substantiated that the current guarantees enshrined in the legislation and developed by the Constitutional Court of the Russian Federation require special adaptation to digital media and a stricter separation of the regime of attorney-client confidentiality and the regime of personal data. The practical significance of the work lies in formulating specific proposals for clarifying Article 8 and Article 39.5 of the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" dated May 31, 2002, No. 63-FZ.

Keywords: attorney-client privilege, legal practice, digitalization, information security, personal data, electronic evidence, search of a lawyer, interrogation of a lawyer, KIS AR, professional secrecy.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (далее – Закон об адвокатуре, Закон N 63-ФЗ) в пункте 1 статьи 8 определяет адвокатскую тайну как любые
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю [1]. Однако в цифровой среде именно эта исходно широкая формула нуждается в дополнительной конкретизации. Если в бумажном производстве предмет охраны обычно локализован в отдельном досье, то в электронной среде переписка с доверителем, проекты процессуальных документов, версии файлов, резервные копии, журналы доступа и метаданные существуют в одном массиве и технически извлекаются как единый объект. Научная новизна настоящего исследования состоит поэтому не в повторении общего тезиса о росте цифровых рисков, а в ином выводе – цифровизация изменила прежде всего юридическую технику разграничения защищаемых и незащищаемых данных. Именно этот тезис далее подтверждается через анализ норм статьи 8, статьи 18, статьи 39.1 и статьи 39.5 Закона N 63-ФЗ, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, дисциплинарной практики адвокатских палат и специального регулирования защиты информации [1].

Нормативная основа охраны адвокатской тайны в целом уже сформирована. Пункт 2 статьи 8 Закона N 63-ФЗ запрещает допрос адвоката как свидетеля об обстоятельствах оказания юридической помощи, пункт 3 той же статьи устанавливает судебный порядок следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката, а статья 18 закрепляет гарантии независимости адвоката [1]. Кодекс профессиональной этики адвоката в статье 6 идет дальше. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката, а правила ее сохранения распространяются не только на документы и сведения по делу, но и на факт обращения к адвокату, все адвокатское производство, помощников, стажеров и иных сотрудников адвокатских образований [3]. После введения Федеральным законом от 22.04.2024 N 83-ФЗ главы 4.1 Закона N 63-ФЗ законодатель также признал цифровую инфраструктуру адвокатуры самостоятельным объектом правового регулирования. Статья 39.1 закрепила комплексную информационную систему адвокатуры России, а статья 39.5 – конфиденциальность и защиту информации в Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

ней [1]. Однако в действующей редакции статья 39.5 Закона N 63-ФЗ закрепляет общий запрет на раскрытие сведений и отсылает к законодательству о персональных данных и об информации, но не содержит детализированного специального стандарта цифровой защиты именно для адвокатской деятельности [1]. В этом состоит одно из ключевых нормативных упущений.

Данный пробел имеет не теоретическое, а практическое значение. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.11.2005 N 439-О было указано на недопустимость обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без специального судебного решения [7]. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 N 33-П правовая позиция была существенно усилена. Суд обязан конкретизировать предмет обыска, не допускается изъятие адвокатского производства в целом, а фото-, видео- и иная фиксация материалов, содержащих адвокатскую тайну, вне пределов судебного разрешения исключается [8]. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2019 N 863-О дополнительно подчеркнуто, что допрос адвоката как свидетеля без предварительного судебного контроля сам по себе создает угрозу адвокатской тайне, причем последующая судебная проверка уже не всегда способна восстановить нарушенное право [9]. Эти правовые позиции отражены в части 3 статьи 56 и статье 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ, закрепляющим свидетельский иммунитет адвоката и специальный порядок обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката [2]. Тем самым конституционная практика подтверждает основной вывод настоящего исследования: для цифровой среды критично не только то, будет ли конкретный файл потом признан допустимым доказательством, но и сам факт предварительного просмотра, копирования либо выгрузки данных с устройства адвоката.

Р.Е. Петрова и Д.Г. Пиксин справедливо обращают внимание на то, что «именно информация, содержащая сведения, относящиеся к адвокатской тайне, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

представляет интерес для лиц, обладающих возможностью получения доступа к чужим компьютерам» [15, с. 102]. Этот тезис важен тем, что он точно фиксирует перенос адвокатской тайны в электронную среду. Вместе с тем для цифрового правоприменения его уже недостаточно. Юридически значим не только сам доступ к компьютеру, но и то, что в одном цифровом массиве одновременно сосуществуют материалы по нескольким делам, сведения о разных доверителях, персональные данные работников, бухгалтерские документы и служебные цифровые следы. Таким образом, основной вывод настоящего исследования состоит в следующем: в цифровой среде объект охраны должен описываться не как отдельный документ, а как функционально связанный массив сведений, сформированный в связи с оказанием юридической помощи конкретному доверителю.

М.И. Коган, анализируя использование адвокатом современных технологий и электронных девайсов, по существу ставит вопрос о том, что цифровая среда меняет саму повседневную технику соблюдения адвокатской тайны, а не только перечень внешних угроз [16, с. 218–223]. К.И. Евтеев, в свою очередь, точно формулирует более широкий тезис: «Цифровые технологии в адвокатской деятельности действуют, создавая новые возможности и одновременно порождая новые формы злоупотребления правом» [17, с. 264–279]. С указанными позициями следует согласиться, но с уточнением. Для исследования принципиально не любое злоупотребление цифровыми средствами и не любая техническая уязвимость. Юридически центральной является ситуация, когда вследствие обыска, выемки, копирования устройства, доступа к облачному хранилищу или ошибочной настройки прав доступа размывается граница между данными, охраняемыми адвокатской тайной, и иными сведениями. Поэтому цифровой риск в данном контексте должен пониматься не как абстрактная проблема кибербезопасности, а как риск утраты правовой определенности предмета охраны.

Именно в этой точке необходимо четко развести режим адвокатской тайны и режим персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (далее – Закон N 152-ФЗ) в статье 7 запрещает раскрытие и распространение персональных данных без согласия субъекта, если иное не предусмотрено федеральным законом, а статья 19 возлагает на оператора обязанность принимать необходимые правовые, организационные и технические меры защиты [5]. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (далее – Закон N 149-ФЗ) в статье 16 формулирует общий режим защиты информации [4]. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 N 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» устанавливает обязательные требования к защите персональных данных в информационных системах персональных данных, а Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 N 21 «Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» конкретизирует содержание таких мер [6; 7]. Но из этого не следует, что режим персональных данных поглощает адвокатскую тайну. Первый определяет законность обработки и меры защиты информации о субъекте данных; второй устанавливает специальный профессиональный иммунитет сведений, сообщенных или созданных в связи с оказанием юридической помощи. Эти режимы пересекаются, но не совпадают, и их смешение ослабляет юридическую аргументацию.

Этим же объясняется и значение корпоративного регулирования. Разъяснение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу исполнения адвокатами законодательства о персональных данных, утвержденное решением Совета ФПА РФ от 01.07.2025, важно прежде всего тем, что прямо рассматривает адвоката как оператора персональных данных [9]. Решение Совета ФПА РФ того же дня не ограничилось утверждением Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

разъяснения, а образовало при Совете ФПА РФ Комиссию по реализации адвокатскими формированиями и адвокатами положений законодательства о защите персональных данных и поручило ей рассмотреть вопрос о целесообразности разработки типовых форм положений и рекомендуемого регламента деятельности адвоката в этой сфере [8].

Практическая часть также подтверждает необходимость более жесткой правовой настройки. Обзор практики Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов при производстве обысков, осмотров и выемок в отношении адвокатов фиксирует типичные нарушения, такие как проведение обысков без судебного решения, вынесение судебных постановлений по делам, где адвокат не имел статуса подозреваемого или обвиняемого, отсутствие конкретного перечня разыскиваемых предметов, проведение личного обыска без судебного акта, начало следственного действия до прибытия представителя палаты [13]. Это уже само по себе демонстрирует, что даже после Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 N 33-П практика не всегда соблюдает специальные гарантии [8; 13]. Не менее показателен обзор дисциплинарных производств, рассмотренных Советом Адвокатской палаты Приморского края. Палата признала недопустимым раскрытие сведений адвокатом на допросе при сомнительном согласии доверителя и фактически подтвердила, что письменная форма согласия еще не означает автоматического снятия режима тайны [14]. В совокупности судебная, дисциплинарная и корпоративная практика показывают одно и то же, что проблема лежит не на уровне общей цифровой осторожности, а на уровне точного юридического контроля над доступом к данным.

Из сказанного вытекают и более конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Пункт 1 статьи 8 Закона N 63-ФЗ целесообразно дополнить прямым указанием на то, что к адвокатской тайне относятся электронная переписка с доверителем, цифровые копии документов, резервные копии, метаданные и иные цифровые следы, созданные в связи с

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

оказанием юридической помощи [1]. Пункт 3 статьи 8 Закона N 63-ФЗ и статья 450.1 УПК РФ должны прямо запрещать полное копирование цифровых устройств и учетных записей адвоката вне пределов конкретных объектов, поименованных в судебном решении, а также предусматривать обязательный предварительный отбор цифровых объектов по предмету судебного разрешения и фиксацию перечня не только изъятого, но и просмотренного либо скопированного [1; 2]. Наконец, в действующей редакции статья 39.5 Закона N 63-ФЗ закрепляет общий запрет на раскрытие сведений и отсылает к законодательству о персональных данных и об информации, однако не содержит детализированного специального стандарта цифровой защиты для адвокатской деятельности; поэтому в ней следует прямо закрепить минимальные обязательные требования к ролевому разграничению доступа, шифрованию хранения и передачи данных, журналированию операций, резервному копированию, разделённому хранению массивов по доверителям и реагированию на инциденты [1]. Без такой конкретизации режим цифровой охраны адвокатской тайны остается зависимым от общих норм, которые не учитывают специальную конституционную функцию адвокатуры.

Таким образом, цифровизация не изменила юридическую природу адвокатской тайны, но изменила способ ее нарушения и, следовательно, способ ее правовой защиты. Нормы пункта 1 и пункта 3 статьи 8, статьи 18, статьи 39.1 и статьи 39.5 Закона N 63-ФЗ, части 3 статьи 56 и статьи 450.1 УПК РФ, статьи 7 и статьи 19 Закона N 152-ФЗ, статьи 16 Закона N 149-ФЗ, а также Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 N 1119 и Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 N 21 образуют необходимую, но пока не полностью согласованную систему [1; 2; 4–6]. Основной вывод настоящего исследования состоит в том, что в условиях цифровизации центральной становится проблема правового отделения электронного адвокатского производства от иных данных, технически сосуществующих с ним в одном информационном массиве; пока эта проблема не решена на уровне специальной нормы и процессуального фильтра, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

конституционные гарантии адвокатской тайны остаются в цифровой среде неполными.

Библиографический список:

1. Российская Федерация. Законы. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федер. закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : кодекс от 18.12.2001 N 174-ФЗ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 : с изм. и доп., утв. XII Всероссийским съездом адвокатов 18.04.2025. – Текст : электронный // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт.

4. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

5. Российская Федерация. Законы. О персональных данных : Федер. закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

6. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 N 1119. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

7. ФСТЭК России. Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : приказ от 18.02.2013 N 21. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

8. Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о порядке и условиях выполнения адвокатскими палатами, адвокатскими образованиями и адвокатами требований, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных», от 01.07.2025 (протокол N 3). – Текст : электронный // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт.

9. Разъяснение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу исполнения адвокатами законодательства о персональных данных : утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 01.07.2025 (протокол N 3). – Текст : электронный // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт.

10. Российская Федерация. Конституционный Суд. По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение от 08.11.2005 N 439-О. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

11. Российская Федерация. Конституционный Суд. По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : постановление от 17.12.2015 N 33-П. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

12. Российская Федерация. Конституционный Суд. По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : определение от 11.04.2019 N 863-О. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

13. Обзор практики Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов при производстве обысков, осмотров и выемок в отношении адвокатов за 2021–2022 годы : утв. решением Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов от 24.06.2023 (протокол N 6). – Текст : электронный // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт. – 2023. – 28 июля.

14. Обзор дисциплинарных производств, рассмотренных Советом Адвокатской палаты Приморского края в июле 2024 г. – Текст : электронный // Адвокатская палата Приморского края : официальный сайт. – 2024. – 18 дек.

15. Петрова Р. Е. Некоторые особенности сохранения адвокатской тайны в современной российской правовой действительности / Р. Е. Петрова, Д. Г. Пиксин. – DOI 10.33184/pravgos-2022.2.11. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – Т. 18, N 2 (68). – С. 102–111.

16. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов / М. И. Коган. – DOI 10.17803/2311-5998.2020.75.11.218-223. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – N 11 (75). – С. 218–223.

17. Евтеев К. И. Цифровые технологии и злоупотребление правом в адвокатской деятельности: новые вызовы и риски / К. И. Евтеев. – DOI 10.7256/2454-0706.2025.12.76955. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2025. – N 12. – С. 264–279.